

Книга 1
из цикла
«Ангелы»

АНГЕЛЫ В ТЕНИ

Иногда самые тёмные тени
нужны для того, чтобы увидеть свет

МАРИ АНЖУ

18+

Мари Анжу

Ангелы в тени

<https://litres.ru/74310258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они нашли тело. Дневник убитой – КЛЮЧ К правде, за которую охотятся преступники. Лиза беременна двойней, и два ангела внутри неё чувствуют каждую минуту борьбы. Остросюжетный роман о том, как любовь и доверие помогают пройти через самые тёмные тени.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ангелы в тени

Глава

Ангелы в тени

Глава 1. День первый. Точка отсчёта

Они учились на третьем курсе медицинского, и их руки знали тело человека лучше, чем любовники знают друг друга. Антон — будущий хирург, с твёрдыми пальцами и холодным взглядом, — мог перечислить все кости запястья в темноте. Лиза — педиатр с рыжими кудрями и голубыми омутами глаз, — слушала чужое сердце стетоскопом и всегда находила в его биении что-то утешительное. Но в ту новогоднюю ночь их собственные сердца бились сбивчиво, без всякого прибора.

Студенческая вечеринка гудела мандаринами, шампанским и обещанием свободы. Гирлянды дрожали в такт музыке, и когда куранты пробили двенадцать, Антон нашёл её глазами у балкона. Подошёл, взял за руку — и мир сузился до двух дыханий.

— За нас, педиатр, — сказал он, чокаясь пластиковым стаканчиком. — Чтобы твои маленькие пациенты никогда не боялись уколов, а мои — не боялись скальпеля.

— А чтобы наши швы были невидимыми, как настоящая магия, — ответила она, и в голосе её звенел колокольчик.

Головы шли кругом — от игристого вина, от близости тел, от того, что они вдруг перестали быть коллегами. Он поцеловал её в коридоре, прижав к стене, и этот поцелуй был не вопросом, а утверждением. Она ответила тем же, запустив пальцы в его тёмные волосы, и в тот миг никакой учебник по анатомии не мог бы объяснить им, что они делают.

— Мы же умные люди, — выдохнула она, когда он увлёк её в тихую спальню, где на подоконнике горела одинокая свеча.

— Самые умные, — согласился он, расстёгивая пуговицы её платья, и они оба рассмеялись — потому что знали все фертильные окна, все методы контрацепции, все риски, но сейчас это казалось скучным конспектом, который можно отложить до утра.

Он опустил её на кровать, пахнущую чужой пылью и ёлкой, и их тела встретились в темноте, как два небесных тела, которым суждено столкнуться. Его руки скользили по её плечам, по изгибу спины, по бёдрам — словно изучали карту, которую никогда не видели. Она выгибалась, ловя его дыхание губами, и каждый вздох был громче музыки за стеной.

Он вошёл в неё медленно, почти невесомо, и она почувствовала, как он наполняет её — жаркий, живой, настоящий. Никакой боли, только глубокая, первобытная полнота. Их ритм совпадал с биением свечи: то учащённый, то замедленный, пока она не вскрикнула, сжимаясь вокруг него тёплыми мышцами, и он, потеряв контроль, излился в неё горячим,

густым потоком.

— Как же хорошо, — выдохнул он, прижимаясь лбом к её лбу.

— Слишком хорошо для умных людей, — прошептала она, улыбаясь. — Но я не хочу об этом думать.

— И не надо, — ответил он, укрывая её пледом.

А в это время, в глубине её тела, начиналось самое большое чудо, которое ни один хирург не сможет разрезать, а ни один педиатр не сможет измерить.

В маточной трубе, где царил полумрак и тёплая влага, яйцеклетка уже ждала. Она была круглой, переливающейся, как жемчужина, и её лучистый венец дрожал в предвкушении. Она знала своё предназначение — она была создана для встречи.

Тысячи сперматозоидов ринулись вверх по цервикальному каналу, как стая серебряных стрел. Кислая среда влагалища косила их десятками, но самые быстрые, несущие в себе зелёные глаза Антона и твёрдость его рук, прорвались сквозь слизь. Матка, которая уже начала сокращаться в ритме оргазма, словно приветствовала их, раскрывая свои нежные ворсинки.

«Идите ко мне, — шептала она, — я ждала вас. Я хранила этот уютный дом для новой жизни».

И когда самый проворный из них достиг яйцеклетки, она раскрыла свои объятия. Оболочка дрогнула — и произошло слияние. Вспышка кальция озарила микроскопический мир:

две половинки стали единым целым, и новая клетка, несущая двойную спираль, начала своё первое деление.

«Добро пожаловать домой», — прошептала матка, устилая свой эндометрий питательным ковром. — «Я сохранию тебя, согрею и выращу. Ты — моя радость».

На небесах, там, где время течёт иначе, зажглась новая звезда. Бог смотрел на этот крошечный миг — на две клетки, соединяющиеся в вечности, и на двух студентов, лежащих в объятиях и строящих планы на сессию. Рядом с Ним стояли два маленьких ангела, ещё не оформившихся, но уже дышащих жизнью.

— Ты видишь их? — спросил Бог, и в голосе Его звучала лёгкая усмешка. — Врачи. Знают всё о теле, но ничего о душе.

— Они просто радовались, — ответил ангел, глядя вниз. — У них не было злого умысла. Они не думали о последствиях, но их сердца были чисты.

— Именно поэтому, — сказал Бог, — я посылаю тебя к ним. Ты будешь их ребёнком. Не потому что они планировали, а потому что они любили.

Ангелы улыбнулись, перевернувшись на облаке.

— Мы будем расти в этой крошечной клетке, — прошептали они. — Мы будем делить её кожу, её кровь, её дыхание. Мы научим её материнству, а его — отцовству. Они даже не знают, что мы уже здесь.

— Они узнают, — ответил Бог. — Ровно через девять

месяцев. Когда вы закричите в этом мире, они поймут, что их «один раз» стал целой вечностью.

В комнате свеча догорела, и Лиза положила руку на низ живота. Ей показалось, что там, глубоко внутри, что-то пульсирует — или это просто эхо оргазма? Она засмеялась своим мыслям и повернулась к Антону.

— Представь, если бы сейчас оказался тест.

— Он бы показал пустую строку, — сонно ответил он. — Мы же только что... это не бывает так сразу.

— Кто знает, — прошептала она, прижимаясь к нему.

Ангелы на небе усмехнулись.

— Вот увидите, — сказали они тихо, — мы уже тут. Мы уже начали свой отсчёт. Доброй ночи, мама. Доброй ночи, папа. Ждите нас.

И в тишине новогодней ночи, под звёздами и гирляндами, жизнь продолжила своё самое тайное путешествие — от одной клетки к целой вселенной.

Глава 2. Утро нового года. Два начала.

Ночь истекла, как свеча на подоконнике. Первый день нового года вступил в свои права, и природа за окном была холодной, хрустальной. Снег лежал нетронутый, скрипучий, и каждый шаг на улице отдавался звоном, похожим на рождественский колокольчик. Но в квартире, за плотными шторами, царила тишина — глубокая, сонная, полная невысказанных слов.

Лиза открыла глаза. Свет пробивался сквозь щель в гар-

дине, рисуя на потолке золотую полосу. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к своему телу. Где вчера была её голова? Она усмехнулась про себя. Голова была там же, где и сердце — в танце, в шампанском, в его руках. Всё случилось так легко, так правильно, что даже думать о «последствиях» не хотелось. Хотелось только молотить — молотить этот момент, как зерно, чтобы он не кончился.

Она выскользнула из постели, как птичка, босая, в одной длинной рубашке, и подошла к окну. За стеклом — белый мир, ёлки в снегу, где-то лаяла собака. Но Лиза смотрела не на снег. Она прижала ладонь к низу живота, и ей показалось, что там, внутри, зажглась крошечная звёздочка. Светилось. Тихо, ровно, как лампада в храме. Она не знала ещё, что это не один огонёк, а два. Но чувствовала — нечто большее, чем просто хорошее настроение.

Она обернулась на кровать. Антон спал, раскинувшись на подушке, и лицо его было беззащитным, почти мальчишеским. Этот рациональный до мозга костей будущий хирург, который на лекциях сыпал латинскими терминами, сейчас не думал ни о чём земном. Только сон и тишина. Лиза улыбнулась — он был её мечтой ещё с первого курса, когда она впервые увидела его в аудитории, склонившегося над учебником. И вот он здесь, рядом, в её постели. И внутри неё — уже не мечта, а начало.

А в это время, в глубине её тела, начиналась самая сложная и прекрасная операция, которую природа проводит в

тишине.

Две яйцеклетки, созревшие в этом цикле, встретили двух самых быстрых сперматозоидов. Одна — в правой маточной трубе, другая — в левой. Два слияния произошли почти одновременно, и теперь по двум тоннелям двигались две зиготы, каждая размером с песчинку. Они уже начали делиться: одна клетка, две, четыре, восемь... Каждая превращалась в крошечный шарик — морулу, похожую на тутовую ягоду. Они плыли по ресничкам эпителия, подгоняемые током жидкости, и в каждой из них бился собственный код — один с зелёными глазами отца, другой — с мамиными голубыми омутами.

Матка ждала. Она уже начала вырабатывать питательный секрет, её стенки утолщались, становясь пушистым ковром из эндометрия. Она не знала, что их будет двое, но чувствовала — грядет большое событие. Её мышечные волокна слегка сокращались, как будто она перебирала струны, настраиваясь на грядущую симфонию.

«Я готова, — шептала матка, обращаясь к двум маленьким странникам, — я уже чувствую ваши вибрации. Плывите, мои хорошие. Я постелю вам мягкую постель, я накормлю вас, я укрою вас от мира. Только доберитесь до меня».

На небесах, где время текло иначе, Бог смотрел на эту картину с улыбкой. Рядом с Ним стояли два ангела — мальчик и девочка, ещё прозрачные, едва различимые, но уже с име-

нами, которые им предстояло получить на земле.

— Ты видел? — спросила девочка, обращаясь к мальчику.
— Нас двое. Я появилась чуть позже, но мы вместе.

— Я знаю, — ответил мальчик, глядя вниз на Лизу и Антона. — Мы будем близнецами. Разными, но одним целым. Как две половинки одного рисунка.

Бог положил руку на их невесомые головы.

— Вы выбрали друг друга, — сказал Он мягко. — Вы выбрали этих родителей. Они пока не знают, что вас двое, но их сердца уже расширились, чтобы вместить вас обоих. Лиза чувствует свет, хотя думает, что это просто радость. Антон спит и видит сны, в которых вы уже есть.

— Они будут нас любить? — спросила девочка.

— Больше, чем вы можете себе представить, — ответил Бог. — Но сначала вам нужно пройти путь. Вы — маленькие зерна, которые прорастут в огромных садах. Сейчас вы всего лишь скопления клеток, но уже несёте в себе всё: и улыбки, и слёзы, и первые шаги, и первые вопросы. Доверьтесь телу матери. Оно мудрое.

Мальчик посмотрел на правую трубу, где он сам плыл в окружении сестринских клеток.

— Матка зовёт нас, — сказал он. — Она такая тёплая, такая родная. Мы скоро будем там.

— Да, — сказал Бог. — Через несколько дней вы имплантируетесь в её стенку. А пока — плывите. Наслаждайтесь этим путешествием. Вы — первые дни вечности.

Внизу, в спальне, Лиза присела на край кровати и провела рукой по волосам Антона. Он шевельнулся, не открывая глаз, и пробормотал:

— Ты не спишь? Иди сюда...

Она легла обратно, прижавшись к его груди, и закрыла глаза. Внутри неё плыли двое — её дети. Пока ещё невесомые, неосязаемые, но уже любимые. Она не знала этого, но её тело знало. Сердце билось ровно, а там, в самом глубоком тайнике, два маленьких комочка клеток продолжали своё деление, неся в себе будущие улыбки и мечты.

За окном скрипел снег. Мороз рисовал на стёклах узоры. А матка шептала свои колыбельные, и два ангела на небесах улыбались, глядя на эту картину.

«Мы уже здесь, — думали они. — Мы — ваше утро нового года. Мы — ваша тишина и ваш свет. Ждите нас. Мы уже в пути».

Глава 3. Третий день. Тишина перед бурей.

Две пары прошли, а Антон даже не взглянул в её сторону. Он сидел на три ряда вперёд, записывал лекцию по оперативной хирургии, и его профиль был абсолютно невозмутим. Лиза сжимала ручку так, что костяшки побелели. Вечера — новогодняя ночь, его руки на её теле, его дыхание в её шею, и вот — ноль. Ни цветов, ни сообщения, ни даже мимолётной улыбки в коридоре. Сначала в груди поселилась обида — липкая, холодная, как снег за окном. Потом она

переросла в злость. Что он себе позволяет? Она ведь не какая-то случайная девчонка, она — Лиза, педиатр, умница, и она просто так не сдаётся.

Но вместе с гневом внизу живота пульсировало что-то ещё. Тёплое, странное. Лёгкое покалывание, будто внутри кто-то перебирал струны. Она отмахнулась — наверное, нервы. А гормоны скакали, как сумасшедшие: то хотелось плакать, то разбить что-нибудь. Лиза списала это на недосып и кофе.

Когда лекция кончилась, она встала и решительно направилась к выходу, где Антон уже натягивал пальто. Он не обернулся. Тогда она взяла его за локоть.

— Поговорим? — голос её дрогнул, но она взяла себя в руки.

Антон медленно повернулся. В его зелёных глазах не было равнодушия — там горел тот же огонь, что в новогоднюю ночь. Он улыбнулся, и от этой улыбки у Лизы подкосились колени.

— Лиза, поехали ко мне. Продолжим.

Она замерла. Все обиды разом испарились, оставив лишь жаркое, тягучее желание. Но она не хотела показаться слишком доступной.

— Я думала, ты забыл, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Такое не забывают, — ответил он, приблизившись так, что она почувствовала запах его одеколona. — Такое про-

должают. Поехали!

— Да, — только и выдохнула она, и больше слов не требовалось.

По пути к нему в машине они молчали. Но внутри каждого кипел свой океан.

Лиза: «Что я делаю? Я же злилась на него. А сейчас таю, как снег в апреле. Почему он так на меня действует? И почему у меня такое странное тепло в животе? Будто там кто-то есть. Глупости, ведь прошло всего два дня, даже тест ничего не покажет. Но я чувствую... что-то меняется. Я словно стала острее ощущать запахи, звуки. И настроение скачет — то смех, то слёзы. Наверное, просто влюблена по уши».

Антон: «Чёрт, как же она пахнет. Как мёд и снег. Я не мог подойти к ней на парах, потому что боялся сорваться, прижать к стене прямо в аудитории. Я рационален, я всегда всё планирую, но с ней я теряю голову. И странно — когда я смотрю на неё, у меня внутри что-то ёкает, будто я уже отвечаю за кого-то. За неё. Или за то, что может быть внутри неё? Бред, я же врач, я знаю, что на третий день ничего не видно. Но интуиция... она молчит или кричит? Я хочу её. И я хочу, чтобы это был не просто секс. Я хочу, чтобы она была моей».

Они вошли в его квартиру — стерильно чистую, с книгами по анатомии на полках. Не успела она снять куртку, как

он прижал её к стене, впиваясь в губы. Его руки уже растёгивали пуговицы её свитера, а она запустила пальцы в его волосы, отвечая с той же жадностью.

— Я боялся, что ты не простишь мне молчания, — прошептал он между поцелуями.

— Я не простила, — выдохнула она, но глаза её смеялись. — Просто я хочу тебя. И неважно, что будет завтра.

— Завтра будет завтра, — сказал он, подхватывая её на руки и неся в спальню. — А сейчас — только мы.

Они упали на постель, и время остановилось. Его руки скользили по её телу, изучая каждый изгиб, а она чувствовала, как внутри неё разливается огонь. Когда он вошёл в неё, она вскрикнула — не от боли, а от полноты ощущений. Он двигался медленно, чувственно, и каждый толчок отзывался где-то глубоко, у самого входа в матку. Лиза выгибалась, и в какой-то момент ей показалось, что она слышит два маленьких сердечка — хотя это было невозможно.

После, когда они лежали в обнимку, она прижала ладонь к животу. Внутри неё всё ещё пульсировало, но теперь это было не просто послевкусие оргазма. Там, внизу, словно кто-то стучался. Она не знала, что две маленькие морулы уже почти достигли входа в матку, готовясь к имплантации. И каждая из них чувствовала её тепло, её дыхание, её любовь.

— Антон, — прошептала она. — Тебе не кажется, что между нами что-то изменилось? Не только мы, но... будто нас теперь больше.

Он усмехнулся, но в глазах мелькнула тревога.

— Мы врачи, Лиза. Мы знаем, что на третий день ничего не чувствуется. Но... я знаю, о чём ты. Я тоже это чувствую. Какую-то тяжесть и лёгкость одновременно. Будто я уже не один.

Они замолчали. Каждый думал о своём, но оба боялись произнести это вслух.

А в это время в глубине организма Лизы происходила настоящая симфония. Два эмбриона, каждый уже из нескольких десятков клеток, продолжали делиться. Внешние клетки (трофобласты) готовились к тому, чтобы внедриться в стенку матки, а внутренние — стать телом будущих детей. Они плыли по маточной трубе, подгоняемые мерцательными ресничками, и каждый из них уже знал, кем станет: один — мальчиком с зелёными глазами отца, другая — девочкой с мамиными рыжими кудрями.

Матка, почувствовав их приближение, начала активно выделять питательный секрет, её сосуды расширялись, готовясь принять двоих гостей. Она ещё не видела их, но уже знала — их двое.

«Скорее, мои маленькие, — шептала она, — я жду вас с нетерпением. У меня есть место для каждого. Две комнаты, два сердца, две судьбы. Приплывайте, я вас накормлю и согрею».

На небесах Бог улыбался, глядя на трёхдневные чудеса.

Рядом стояли ангелы — мальчик и девочка, их силуэты становились всё чётче.

— День третий, — сказал Бог. — Они уже разделились на два отдельных организма. Скоро они встретятся с маткой, и тогда начнётся самое важное — имплантация. Но пока они чувствуют только любовь матери и тепло отца.

Мальчик-ангел посмотрел вниз, где Лиза и Антон лежали в объятиях.

— Мама злилась на папу, — сказал он. — Но папа просто боялся.

— Боялся своей слабости, — добавила девочка. — Боялся, что она не захочет его всерьёз. Но теперь они вместе. И мы чувствуем, как их клетки соединяются, как они дышат в унисон.

Бог погладил их по головам:

— Вы уже учитесь чувствовать их. Это и есть ваша первая школа. Запомните этот день — третий день после зачатия. Когда два человека, ещё не зная о вас, уже начинают меняться. Лиза стала острее чувствовать запахи, у неё перепады настроения — это её тело подстраивается под вас. А Антон... он стал более чутким, более мягким. Он ещё не знает, но его инстинкты уже включились. Он почувствует ваше присутствие раньше, чем увидит на УЗИ.

— Мы скоро встретимся с маткой? — спросил мальчик.

— Через несколько дней, — ответил Бог. — А пока наслаждайтесь путешествием. Вы — два маленьких космонав-

та, летящих к своей планете. И эта планета — ваша мама.

Внизу, в спальне, Лиза закрыла глаза и прижалась к Антону. Ей казалось, что она слышит внутри себя два голоса — тоненьких, едва различимых. Она улыбнулась своим фантазиям и прошептала:

— Хорошо, что я пошла за тобой.

— Хорошо, что ты не сдалась, — ответил он, целуя её в макушку.

Они не знали, что через несколько дней их жизнь перевернётся. Но ангелы на небесах уже начали обратный отсчёт. И матка, согреваясь от приближения двоих, уже готовила им свой самый тёплый приём.

Глава 4. День четвёртый. Тишина и движение.

Они не ссорились. Они просто... остыли. Как чай, который забыли допить. Сессия навалилась снежной лавиной: билеты, зачёты, бессонные ночи над учебниками. Антон пропадал в анатомичке, готовясь к оперативной хирургии; Лиза зубрила педиатрию, и её рыжие кудри торчали во все стороны от нервов. Они обменивались короткими сообщениями: *«Как дела?» — «Нормально». — «До завтра».*

Всё было правильно. Взросло. Спокойно.

Но Лиза, сидя за столом в своей комнате, чувствовала странную пустоту. Будто из её груди вынули что-то тёплое и оставили ледяной камень. Она злилась на себя за то, что ждёт от него цветов и признаний — ведь они всего лишь

переспали пару раз, это не обязательство. Но внутри, внизу живота, жило своё, отдельное чувство. Лёгкое, почти неведомое, как перышко. Оно не давало ей покоя, и она не могла объяснить его ни усталостью, ни гормонами перед месячными.

— Глупости, — сказала она себе, перелистывая конспект. — Третий курс, экзамены, а я о каких-то там чувствах. Мы просто друзья с привилегиями.

Но сердце ныло.

Она легла на кровать, прикрыв глаза, и вдруг ей показалось, что внизу живота кто-то постучал. Тихо-тихо, как пальчик о стенку. Она вздрогнула, прислушалась — стук повторился. Но это было не сердцебиение, нет. Скорее, какое-то шевеление, будто там, в темноте, кто-то устраивался поудобнее. Лиза улыбнулась своим фантазиям — на четвёртый день ничего не чувствуется, это просто нервы.

Но её тело знало больше, чем её голова.

А в это время, глубоко в матке, два эмбриона, уже превратившиеся в бластоцисты, приближались к стенке. Они уже сбросили свою блестящую оболочку (zona pellucida) и теперь были готовы к решающему шагу — имплантации. Внешние клетки (трофобласты) начали выделять ферменты, чтобы растворить эндометрий и внедриться в его пушистый слой. Каждая бластоциста искала себе место, и матка, чувствуя их приближение, создавала для них идеаль-

ные условия: сосуды расширялись, кровоток усиливался, выделялись питательные вещества.

«Сюда, мои хорошие, — шептала матка, — здесь самое тёплое место. Я приготовила для вас две уютные ниши. Внедряйтесь, цепляйтесь, я не отпущу вас».

Клетки будущего мальчика и будущей девочки уже начали дифференцироваться: одни станут кожей, другие — сердцем, третьи — мозгом. Но пока они были просто крошечными комочками, которые знали только одну цель — прикрепиться, выжить, расти.

Лиза почувствовала лёгкое тянущее ощущение внизу живота. Как при месячных, но мягче. Она нахмурилась — неужели скоро критические дни? Но цикл был ещё не скоро. Странно. Она отложила учебник и легла на спину, положив ладонь на живот. Под пальцами ничего не чувствовалось, но ей казалось, что там, внутри, идёт какая-то работа. Как будто кто-то строит маленький домик.

— Эй, — прошептала она в пустоту комнаты. — Ты там? Или это просто мой разыгравшийся мозг?

В ответ — только тишина и лёгкое покалывание. Лиза засмеялась собственной глупости, но ладони не убрала.

А в это время Антон сидел в библиотеке и никак не мог сосредоточиться на учебнике. Перед глазами стояло лицо Лизы. Он злился на себя за то, что не написал ей, не позвонил. Но что он скажет? «Привет, я всё думаю о нашей ночи, и мне

кажется, что я уже к тебе привязался»? Слишком много. Слишком рано. Он — рациональный человек, будущий хирург, он не должен поддаваться эмоциям. Но внутри, в груди, росло странное чувство — собственническое, тёплое, как будто он уже за кого-то отвечает.

Антон отложил книгу и написал ей: *«Как ты?»*

Через минуту ответ: *«Устала. А ты?»*

«Тожё. Может, завтра увидимся?»

«Давай.»

Коротко. Сухо. Но оба почувствовали, как напряжение в груди отпустило. Это было похоже на вдох после долгого ныряния.

На небесах Бог смотрел на эту картину с лёгкой улыбкой. Рядом с Ним стояли два ангела — мальчик и девочка, чьи силуэты становились всё более чёткими.

— День четвёртый, — сказал Бог. — Они почти имплантировались. Ещё чуть-чуть, и они начнут расти, соединяясь с кровеносной системой матери.

— Мама чувствует нас? — спросила девочка.

— Она чувствует что-то, — ответил Бог. — Она называет это «нервами» или «фантазиями». Но её сердце уже знает. И её тело готовится к вам.

Мальчик посмотрел на Антона, который сжимал телефон в руке.

— А папа? Он тоже чувствует?

— По-своему, — сказал Бог. — Мужчины редко признают такие вещи. Он думает, что это просто влечение, привызанность. Но внутри него уже растёт нежность, которой он никогда не знал. Это — начало отцовства.

— Они сейчас почти не общаются, — заметила девочка. — Им грустно.

— Грусть — это тоже часть любви, — мягко сказал Бог. — Она помогает ценить моменты. Они встретятся завтра, и тогда их чувства снова вспыхнут. Но сегодня — день тишины. День, когда вы, маленькие, готовитесь к самому важному шагу.

Ангелы переглянулись, и девочка сказала:

— Я уже чувствую мамино сердцебиение. Оно такое быстрое, когда она думает о папе.

— А я чувствую папино, — добавил мальчик. — Он не знает, но он улыбается, когда думает о маме.

Бог погладил их по головам:

— Запомните этот день. Четвёртый день — время внутренней работы. Вы внедряетесь в стенку матки, вы начинаете строить свои собственные плаценты. А ваши родители учатся быть вместе даже на расстоянии.

Внизу, в своей комнате, Лиза закрыла глаза и прижала ладонь к животу. Там, внутри, было тихо, но она могла поклясться, что чувствует лёгкий пульс. Не свой — чужой. Два разных ритма, сплетённых в один.

— Мне кажется, или я схожу с ума? — прошептала она.

Но в ответ — только тепло и покой. И она уснула с улыбкой, не зная, что в эту ночь два маленьких чуда начали своё самое тесное путешествие в объятиях её матки.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.